

В лесу. Ги де Мопассан

Мэр только собрался сесть за стол позавтракать, как ему доложили, что в мэрии его ждет стражник с двумя арестованными.

Он немедленно пошел в мэрию и увидел папашу Ощдюра, сельского стражника, который, стоя, не спускал сурового и бдительного ока с пожилой пары горожан.

Мужчина, красноносый и седовласый толстяк, был явно подавлен, меж тем как женщина, разряженная толстушка с лоснящимися щеками, вся кругленькая, не без вызова поглядывала на взявшего их в плен блюстителя закона.

— Что случилось, папаша Ощдюр? — спросил мэр.

Стражник изложил обстоятельства дела.

Утром, в обычное время, он отправился в обход своего участка в сторону Шампиусского леса до его границы с Аржантейлем. Ничего необычного он не приметил, обратил только внимание, что погода преотличная и хлеба поспевают. Но тут сын Бределей, который мотыжил виноградник, крикнул ему:

— Эй, папаша Ощдюр, пойдите-ка на опушку, там, как зайдете в кусты, увидите пару голубков, им вдвоем лет сто тридцать будет.

Он пошел туда и услышал в кустах бормотание и вздохи, которые наводили на мысль о нарушении общественной благопристойности.

И тогда он пополз на четвереньках, точно выслеживал браконьера, и застиг эту парочку в тот самый момент, когда она предавалась животной страсти.

Мэр озадаченно оглядел виновных. Мужчине было добрых шестьдесят лет, женщине не меньше пятидесяти пяти.

Он начал допрос с мужчины, который отвечал так тихо, что почти ничего нельзя было разобрать.

— Ваше имя?

— Никола Борен.

— Род занятий?

— Торговец галантерейным прикладом, улица Мучеников в Париже.

— Что вы делали в лесу?

Галантерейщик молчал, прижав ладони к ляжкам, свесив голову чуть ли не до самого своего выпирающего брюшка.

— Вы отрицаете то, что заявил сейчас блюститель порядка? — продолжал спрашивать мэр.

— Нет, господин мэр.

— Значит, вы сознаетесь?

— Да, господин мэр.

— Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Ничего, господин мэр.

— Где вы познакомились с вашей сообщницей?

— Это моя жена, господин мэр.

— Ваша жена?

— Да, господин мэр.

— Так... значит... вы живете с ней врозь... в Париже?

— Нет, господин мэр, мы живем вместе.

— Но... вы, что... совсем разум потеряли, сударь? Как же вы попадаетесь на таком деле в лесу, в десять часов утра?

Казалось, галантерейщик сию секунду расплачется от стыда.

— Это все она! — выдавил он из себя.

— Я же говорил ей, что это дурость. Но если у женщины застрянет что-нибудь в голове... сами знаете... ничего другого она не понимает.

Мэр, понимавший толк в галльском юморе, улыбнулся.

— Ну, в вашем случае все, видимо, как раз наоборот: если бы у нее это застряло только в голове, вы не оказались бы здесь.

И тут Борен взорвался.

— Видишь, до чего ты довела нас с твоей поэзией! — вскричал он, повернувшись к жене. — Очень красиво! Теперь нас потащат в суд за нарушение общественной благопристойности! Это нас, в наши-то годы! И нам придется закрыть лавку, все продать и переехать в другой квартал! Просто прекрасно!

Госпожа Борен встала и, не глядя на мужа, заговорила, не запинаясь, без ложного стыда, почти спокойно.

— Видит бог, я понимаю, как нелепо мы выглядим, господин мэ́р. Но позвольте мне выступить в качестве собственного адвоката — нет, просто в качестве неразумной женщины, и я надеюсь, вы отпустите нас домой, не подвергнув стыду и позору судебного разбирательства.

Много лет назад, когда я была молодая, мы познакомились с господином Бореном в этих самых местах. Было это в воскресенье. Он тогда служил приказчиком в галантерейном магазине, а я была продавщицей в магазине готового платья. Я так все помню, точно это случилось вчера. Мы с Розой Левек, моей подругой, жили вдвоем на улице Пигаль и наезжали сюда по воскресеньям. У нее был дружок, у меня еще нет. Он-то и показал нам эти места. Однажды в субботу он, посмеиваясь, сказал мне, что завтра прихватит с собой приятеля. Я сразу поняла, что к чему, и так ему и объявила — пусть зря не старается. Я была девушка строгих правил, господин мэ́р.

И правда, на вокзале мы познакомились с господином Бореном. Он был тогда красивый молодой человек. Но я решила, что не поддамся, и не поддалась.

И вот приехали мы в Безон. День выдался прямо на диво, знаете, такой день, когда внутри все обмирает. А я в хорошую погоду — так оно было смолоду, так и сейчас — становлюсь как дурочка, а стоит мне выехать за город, и вовсе шалею. Кругом все зелено, птички щебечут, хлеба колышутся, ласточки носятся, пахнет травой, маки, ромашки — ну, я и делаюсь как сумасшедшая! Точно выпила шампанского и опьянела с непривычки!

Словом, день был на диво, теплый, ясный, — глядишь во все глаза, дышишь полной грудью, а он так и вливается в тебя. Роза и Симон все время миловались, и каково же мне было на них смотреть! Мы с господином Бореном шли позади и молчали. Когда люди друг друга не знают, им и говорить не о чем. Он был такой робкий на вид, такой стеснительный, и мне это нравилось. Пришли мы в лесок. Прохладно там было как в купальне. Уселись прямо на траве, и Роза с Симоном давай дразнить меня за мой строгий вид, но, вы сами понимаете, я ведь не могла иначе. А потом они опять стали миловаться безо всякого стеснения, словно нас тут вовсе и не было, а потом пошептались и, не сказав нам ни слова, ушли в тень под кусты. Представляете, как глупо я выглядела, когда осталась наедине с молодым человеком, которого до тех пор и в глаза не видела. Мне так было стыдно, что я даже набралась храбрости и заговорила с ним. Спросила, где он служит, и он сказал, что в галантерейном магазине, — я уже поминала об этом. Так мы с ним немножко поболтали, он осмелел, попробовал вольничать, но я его тут же осадила, круто осадила. Верно я говорю, Борен?

Борен сконфуженно разглядывал свои башмаки и не ответил на вопрос жены.

— И тогда он понял, каких я строгих правил, — продолжала она, — и начал за мной ухаживать честь по чести, как порядочный молодой человек. Ни одного воскресенья не пропустил. Он был по уши влюблен в меня, господин мэ́р. Я тоже его любила, очень-очень любила! Он был такой красивый молодой человек в ту пору!

Ну и, короче говоря, в сентябре он женился на мне, и мы купили лавку на улице Мучеников.

В первые годы нам пришлось туго, господин мэ́р. Дела шли плохо, какие уж тут загородные поездки! Да и отвыкли мы от этого. Когда занимаешься торговлей, голова занята кассой, а не всякими пустяками. И мы потихоньку старились, сами того не замечая, жили себе спокойно и уже совсем не помышляли о любви. Если не замечаешь, что тебе чего-то недостает, то и не жалеешь об этом.

А потом, господин мэ́р, дела наши пошли в гору, мы перестали бояться, что останемся без куска хлеба. И вот тут что-то случилось со мной, а с чего — поверьте, я и сама не пойму!

Вдруг я стала мечтать, будто пансионерка, честное слово! Погляжу, как по улицам везут тележки с цветами — и сразу слезы на глазах. Сажу в кресле за кассой, и вдруг покажется мне, что запахло фиалками, и сердце так забьется!.. И тогда я вставала, и выходила за порог, и смотрела на кусочек синего неба между крыш. Если глядеть на небо с улицы, оно похоже на реку, на большую реку, она как будто вьется и все ниже спускается к Парижу, и ласточки скользят в ней, как рыбы. Подумать только, такие глупости в мои годы! Что поделаешь, господин мэ́р, если всю жизнь трудишься, не покладая рук, приходит такая минута, когда замечаешь, что все могло быть по-иному, и вот тут-то и начинаешь жалеть! Подумать только, двадцать лет подряд я могла целоваться в лесу, как другие прочие, как другие женщины! И я думала: до чего же, должно быть, хорошо лежать в тени под кустами с кем-нибудь, кого любишь! И мечтала об этом все дни напролет, все ночи! Представляла себе, как отражается лунный свет в воде, и мне даже хотелось утопиться!

Поначалу я не осмеливалась говорить про это с господином Бореном. Понимала, что он только посмеется надо мной и скажет — иди-ка ты лучше в лавку, торгуй иголками да нитками! И, надо признаться, господин Борен уже не очень-то меня волновал, но ведь я видела себя в зеркале, я хорошо понимала, что и сама ни единого мужчину уже не взволную!

И тогда я собралась с духом и предложила ему съездить за город, в те места, где мы с ним познакомились. Он сразу согласился, и вот мы приехали сюда нынче в девять утра.

Стоило мне ступить на тропку меж хлебов, я будто сразу стала прежней. Женское сердце никогда не стареет! Клянусь вам, господин мэ́р, я увидела моего мужа не таким, какой он сейчас, а каким был когда-то! Даю честное слово, мне словно хмель в голову ударил! И я стала обнимать его и целовать, а он, кажется, удивился больше, чем если бы я начала его душить. И все повторял: «Да ты с ума сошла!

Совсем сбрендил сегодня. Что это тебя так разбирает?..» А я его не слушала, слушала только, что мне сердце шепчет. И заставила его войти в лес... И вот теперь!.. Я вам правду сказала, господин мэ, чистую правду.

У мэра было чувство юмора. Улыбаясь, он встал.

— Идите с миром, сударыня, — сказал он. — И не грешите больше... в тени под кустами.

Примечания

Напечатано в "Жиль Блас" 22 июня 1886 года.